

Литературные очерки.

«Скучная история» А. Чехова.

«Исключая двух-трех стариковъ, вся нынѣшняя литература представляется мнѣ не литературой, а въ своемъ родѣ кустарнымъ промысломъ, существующимъ только для того, чтобы его поощрили, но не охотно пользовались его изданиями. Самое лучшее изъ кустарныхъ издѣлій нельзя назвать замѣчательнымъ и нельзя искренно похвалить его безъ *но*; тоже самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ тѣхъ литературныхъ новинкахъ, которыя я прочелъ въ послѣдніи 10—15 лѣтъ: ни одной замѣчательной, и не обойдешься безъ *но*. Умно, благородно, но не талантливо; талантливо, благородно, но не умно, или наконецъ—талантливо, умно, но не благородно».

Можетъ-быть, это смѣло, читатель, *но* вѣрно.

Только что выписанная цитата принадлежитъ одному современному беллетристу, только что написавшему рассказъ—умно, благородно и талантливо. Умно, потому что, какъ мы сейчасъ видимъ, авторъ высказываетъ умныя мысли, и приведенныя не являются исключениями; благородно, потому что въ рассказѣ нѣтъ того заигрыванья съ читателями, которое переводится обыкновенно формулой: я тебѣ угрожу, а ты меня похвали; талантливо, наконецъ, потому, что авторъ пишетъ смѣло, свободно, правдиво и художественно.

Интересное проклевываніе это, скромно сглаженное «Скучной исторіей», написалъ Антономъ Чеховымъ и помѣщено въ одиннадцатой книжкѣ «Севернаго Вѣстника».

Почему новое проклевываніе г. Чехова—«Скучная исторія»?...

Вотъ содержаніе рассказа—хотя въ краткомъ содержаніи судить о немъ трудно.

Рассказъ ведется отъ имени старика профессора, всѣмъ признаннаго, выдающагося ученаго, человѣка съ большими именами въ наукѣ, въ искусствѣ и въ Россіи, и за границей. Подъ заглавіемъ рассказа въ скобкахъ значится «Нѣтъ записокъ стараго человѣка». Автору «Динеевъ» шестьдесятъ два года у него лысая голова, вставные зубы и пожелтѣвшій нос. Читаетъ онъ свои лекціи по привычному интересу, съ энтузіазмомъ и глубокою любовью дѣла, которое продолжаетъ искренно любить. Образъ имени профессора... Говоритъ о своемъ образѣ жизни, съ откровеніемъ правды всего беззащитно. «Дело бы меня спросили,—

говорить онъ—что составляетъ теперь главную и основную черту твоего существованія? Я отвѣтилъ-бы: безсонница». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе дня, такъ сказать, по пунктамъ. Утро; приходъ жены—разговоръ о смѣль-офицерѣ. Затѣмъ—посѣщеніе дочери-консерваторки предъ уходомъ на уроки. Университетъ, швейцаръ Николай, прозекторъ Истръ Игнатъичъ, лекція. Этотъ кусочекъ дня описанъ съ неподражаемой художественной простотой, рѣдкой правдой и наблюдательностью,—мало: съ страстностью. «Никакой спортъ, никакія развлечения и игры—говоритъ авторъ отъ имени своего профессора—никогда не доставляли мнѣ такого познанаго наслажденія, какъ чтеніе лекцій. Только на лекціи я могъ весь отдаваться страсти и понималъ, что вдохновеніе не выдумка поэтовъ, а существуетъ на самомъ дѣлѣ». Послѣ лекціи профессоръ сидитъ у себя дома и работаетъ. Парочка визитовъ, дѣлаемыхъ ему въ это время—вводные эскизы—являются симпатичными суботними сцепками, очень кстати вписанными въ рассказъ, который они пополняютъ такъ, что отнять ихъ—значило-бы испортить гармонию дѣла. Визиты студентовъ и товарищей смѣняются визитомъ Кати.

Ката—большой номеръ въ жизни профессора,—на ней слѣдуетъ остановиться.

Восемнадцать лѣтъ тому назадъ умеръ товарищъ профессора—окулистъ, оставивъ послѣ себя на попеченіе нашего профессора семилѣтнюю дочь и тысячу шестьдесятъ денегъ. Нѣсколькими штрихами, полными силой и увѣренности, рисуетъ авторъ исторію развитія этого ребенка, отмѣчая осторожно и съ тактомъ тѣ трудно подпадающія фазисы, когда дѣвушка превращается въ женщину,—но все это А. Чеховъ дѣлаетъ такъ, что Ката—несомнѣнно типъ сегодняшней и будущей—является въ повѣсть своего полного развитія именно такой, какой мы ее ожидали, и мы получаемъ твердую увѣренность, что иной Ката в насъ не могла быть. Въ двухъ словахъ: Ката не ужасалась въ домѣ профессора (но не съ саликъ профессоромъ, съ которыми они остались серьезными друзьями), сдѣлалась актрисой, была несчастлива въ любви и разочаровалась въ своихъ артистическихъ надеждахъ. Сейчасъ Ката—сиповичка дѣла. Профессоръ охотно ее посѣщаетъ, свою большию—профессору бѣднѣе изъ дому, чтобы посѣщать ее.

Сестра не удовлетворяетъ старика профессора. Жена его когда-то...

2
впрочем, не все-ли равно, чѣмъ была его жена, когда-то: теперь она жена тайнаго совѣтника, мелочная и немножко близорукая въ жизни. Дочь консерваторка, — барышня безцвѣтная. Семейный ансамбль выполняется Гнеккеромъ, ежедневно объѣдающимъ въ семьѣ профессора. Последний не любитъ Гнеккера, хотя его почти не знаетъ. Что такое Гнеккеръ? — Тишкѣ, который могъ-бы занять хорошее мѣсто въ портретной галлерей героевъ маленькихъ чеховскихъ разсказовъ, тишкѣ, который кстати введенъ и въ „Скучную исторю“.

„Богатые люди имѣютъ всегда около себя приживалокъ; науки и искусства тоже. „Кажется нѣтъ на свѣтѣ такого искусства или науки, которыя были-бы свободны отъ присутствія „инородныхъ тѣлъ“ въ родѣ г. Гнеккера“. — Такими словами авторъ предупреждаетъ васъ о томъ, чѣмъ будетъ этотъ второстепенный герой въ разсказѣ. Гнеккеръ въ сущности ничтожество, но это ничтожество современной формаци. Гнеккеръ человекъ съ англобонь, человекъ, присосавшійся къ музыкѣ, проявляющій свой англобонь въ разсужденіяхъ о музыкѣ, — и за Гнеккеромъ ухаживаютъ. Кто онъ, что, откуда — никто не знаетъ. Что-то говорилъ онъ объ имѣніяхъ въ Харьковской губерніи, но... только говорилъ.

А между тѣмъ дочь профессора одобряетъ ухаживанья за собой Гнеккера, — маменька одобряетъ его ухаживанья за дочкой. Профессоръ Гнеккера стѣсняетъ, и профессоръ Гнеккеръ пренебрежительно недоволенъ.

У Кати, которую профессоръ поощряетъ довольно аккуратно, онъ обыкновенно встрѣчаетъ своего товарища — филолога Михаила Федоровича. Это высокій, хорошо сложенный, лѣтъ 50 человекъ, съ густыми седыми волосами и черными бровями и бритый; онъ добрый и прекрасный товарищ. Происходитъ Михаилъ Федоровичъ изъ старинной дворянской фамиліи, самъ онъ ученъ, талантливъ, образованъ. Сужденія его рѣзкія, но рѣзкость его не рѣжетъ уха. Каждый вечеръ приноситъ онъ съ собой нѣсколько анекдотовъ изъ университетской жизни и всегда очень оживленно повѣдуетъ Катю.

Наступаетъ лѣто и жизнь мѣняется. Профессора перевозятъ на дачу. Впрочемъ, въ сущности говоря, и здѣсь его жизнь остается почти той-же, что и въ городѣ. А главное — по привычкѣ думать его безсоница, такая безсонница, которая поначалу

3
по начинаетъ принимать характеръ болѣзни... И нѣтъ силъ бороться!..

Все остальное — то-же; программа домашней жизни не мѣняется. Утромъ — разговоръ съ женой о сынѣ-офицерѣ, среди дня — обѣдъ съ Гнеккеромъ, визиты товарищей, потомъ — разговоръ съ женой о дочерп, Катю... Разговоры о дочерп въ соединеніи съ разговорами о Гнеккерѣ учащаются. Жена настаиваетъ на томъ, чтобы мужъ съѣздилъ въ Харьковъ навести справки о человекѣ, явно ухаживающемъ за дочкой; мужъ уступаетъ и ѣдетъ въ Харьковъ, — впрочемъ, его прогоняютъ туда и другія, собственные причины.

Въ Харьковѣ — тоже безсонница.

Подъ утро профессору приноситъ телеграмму: „Вчера Гнеккеръ тайно обвѣчался съ Лизой. Возвратился“.

Утромъ является... Катю. Онъ въ сильномъ первомъ возбужденіи, ей необходима нравственная поддержка, но что можетъ ей дать старикъ профессоръ?

— Что мнѣ дѣлать, говорите, что мнѣ дѣлать?

— Что-же я могу сказать? — недоумѣваетъ профессоръ.

Она достаетъ изъ своей дорожной сумочки платокъ и вѣстѣ съ нимъ вытаскиваетъ нѣсколько писемъ, которыя съ ея колѣнъ падаютъ на полъ. Профессоръ подбираетъ ихъ съ полу и на одномъ изъ нихъ узнаетъ почеркъ Михаила Федоровича и нечаянно прочитываетъ кусочекъ какого-то слова „страсти...“

Катю, съ которой давно уже что-то не по себѣ, пришла къ старику, какъ къ надежному источнику нравственной силы, — а онъ, какъ парочко, оказывается и самъ безпомощнымъ, выдохшимся, безсодержательнымъ человекѣмъ, жизнь котораго — только безсонница. Нѣсколько патинутыхъ фразъ, — и Катю утѣжаетъ.

Старикъ молча провожаетъ ее до дверей... Вотъ она вышла отъ него, идетъ по длинному корридору, не оглядываясь. Она знаетъ, что онъ глядитъ ей вслѣдъ, и вѣроятно на поворотѣ оглянется... Нѣтъ, не оглянется. Черное платье въ послѣдній разъ желтнуло, затлила шага... Прощай, мое сокровище!

Вотъ фабула разсказа. Трудно по ней судить о его достоинствѣхъ. Это только канва, на которой талантливая беллетристъ набросала рисунки, — и надо эти наброски въ чистомъ видѣ цѣлуу, читать изъ жизни, глубоко въ своемъ психическомъ значеніи исторю.

Не стоить, что въ началѣ неслучайно

4
 сколько поразила форма рассказа: старик профессор ведет рассказ от себя. Чтобы такой рассказ удался, нужно очень многое. Вообще к рассказу от своего имени предъявляется гораздо больше запросов, так как тут неизбежен психический анализ и тем более трудный, что вести его объективно — неестественно и невозможно; выворачивать собственную душу — расчленив собственные ощущения и верно оценивать и наглядно, в удобной для чужой оценки форме изображать движения своей внутренней жизни — очень и очень трудно. В данном случае трудность эта увеличивается еще потому, что молодому писателю приходится давать подобный отчет с точки зрения старика профессора. И что же? — Когда вы читаете „Скучную историю“, вас с первой же страницы охватывает что-то такое, что заставляет забыть автора, забыть, кто он; с первых же страниц Антон Чехов, молодой писатель — не существует, — вы видите дело с стариком профессором, вдумавшимся на старости лет, со свойственной этому возрасту болтливостью, поговорить о себе и близких людях.

Он очень хорош, этот старик. — Он профессор — и профессор талантливый, человек старик профессорских взглядов; он любит свое дело и умеет заинтересовать им других. Любовь к науке в сочетании с убежденности, укоренившимися давно за работой, делают его неудобным в современных кружках, — да же профессорских и главное, так сказать, обиденных: многого теперешнего он не любит, многое его раздражает. Он, бесспорно, очень наблюдателен и не лишены юмора, но он стареет, — юмор угасает, но за то развивается склонность побрякивать хотя бы про себя...

Он очень хорош, старик профессор, он — дьявол энциклопедии, сказана, но полная энциклопедия длинной человеческой жизни. В этой энциклопедии вы найдете все, — только забудьте искать, — взгляды на жизнь, науку, искусство, литературу, людей, ученых, артистов, студентов, швейцаров, — чего-чего только нет и не в доме, в котором часто молодые беллетристики с излишней веселостью вываливают перед вами все, до чего только может дотянуться их неустойчивое воображение, — в беллетрике „я“ их героев, — нет — только в этих типичных, мало подвешенных профессорах, со

5
 которым вы невольно сами восполняете недосказанное автором и по которым невольно же создаете себе полный, цельный живой образ живого человека.

И до чего вренешь себе остается этот типичный старик по все продолжение рассказа, вплоть до последней его строчки! Опять-таки живой, цельный человек и такой последовательный во всех своих поступках, как бы молодое поколение редко бывает: для этого нужно было бы быть старым профессором.

Подтверждать все мною сказанное выдержками из рассказа мне не позволю разбирать статьи, но говоря об особенно удавшихся сценах, рельефно рисующих особенность действующих лиц, я должен назвать: маленькую вводную сценку с студентом, пришедшим выторговывать себе удовлетворительную оценку, сцену с молодым доктором, „конечно“ в белом галстуке, всю сцену на даче в, наконец, последнюю сцену свидания с Катей в Харьков — положительный chef d'oeuvre.

Не жалею удачны, повторяю, и остальные лица рассказа, не исключая вводных. Взгляните, как кратко, несколькими штрихами вылит в цельный тип швейцар Николай, включая в его характеристику и крошечную летнюю сценку, безусловно нужную для полноты фигуры; возьмите профессора, — кто не пидаль таких в университете? — возьмите, наконец, только что упомянутого студента-сангвиника: взгляните на его портрет, нарисованный Чеховым, и спускайте в университет, — вот он, этот студент-сангвиник, видите? — вот другой, третий... Да которого-же из них фотографировать Чехов, все же все сразу?.. Вы наверняка и сами знали этих студентов, которые, к которому огорчению почтенного ученого, „нико и оверу любить больше, чем науку“, которые готовы торговаться из-за балла, уверяя, что „они прекрасно выдержали по всем предметам и сбились только на этом, и это так было удивительно, что по этому предмету они выжились всегда очень усердно и знают его прекрасно; сбились же, благодаря какому-то невольному недоразумению...“ — „Аргументы, — говорит автор, — авторский же логик приводит от само собою“. Иметь подобный разговор. Студент чувствует себя не удобно, но продолжает конику, — у профессора инту-

ется желание немножко помучать студента: не люби пиво и оперу больше науки!..

— Профессор! Даю вам честное слово, что если вы поставите миз «удовлетворительно», то я...

«Как только дело дошло до „честного слова“, я махаю руками и сажусь за стол. Студент думает еще минуту и говорит ушью:

— В таком случае прощайте... Извините.

— Прощайте, мой друг. Доброй здоровья.

Он першительно идет в переднюю, медленно одъается там и выйдя на улицу, вбродно, опять долго думает, ничего не придумав, кроиь „старого чорта“ по моему адресу. Он идет в плохой ресторанъ пить пиво и обѣдать, а потомъ къ себѣ домой спать. Миръ праху твоему, честный труженникъ!

Понимо типовъ и отдѣльныхъ сценъ, рассказъ пополнивъ уиѣстно вставленными размышлениями, ничуть не утомляющими читателя и дополняющими обрисовку характеровъ дѣствующихъ лицъ, преимущественно стараго профессора.

Полный обязательного впечатлѣнія, которое я вынесъ, прочтя „Скучную исторію“, а какъ-то заговорилъ о ней въ одномъ обществѣ и былъ пораженъ настоячимъ вопросомъ:

— Кого это Чеховъ описываетъ?

— Никого: тинь!

— О, нѣтъ, онъ кого-то пишетъ въ виду. Его профессоръ толкуетъ, какъ о роиѣ, о Пироговѣ, Кавелинѣ, Некрасовѣ, Никитѣ Крыловѣ... Чеховъ пишетъ кого нибудь въ виду...

Вотъ что занимаетъ публику!.. Я какъ наираси! Я убѣжденъ, что Ант. Чеховъ въ своей „Скучной исторіи“ никого не описываетъ—убѣждаетъ потому, что таиникъ типичнымъ мизкой человекъ. Почти не можеть быть. Можетъ быть идею типа и внушилъ автору кто-нибудь изъ профессоронъ, но создатель его тинь, конечно, подѣ илѣиенъ наблюдений надъ многими и многими профессорами.

Ант. Чеховъ просто написалъ разсказъ, вскилъ, очеркъ. — все равно какой пришесть пришесть этому произведению, — написалъ литературную вещь, а вовсе не густарное преподаваніе, какъ выражается гурой его.

Читателю.

(В. В. Кузнецовъ)